

References

1. Buyanova L. Yu. Termin kak edinica logosa. M. : Flinta : Nauka, 2012. 224 p.
2. Gvishiani N. B. Yazyk nauchnogo obshcheniya: voprosy metodologii. – M.: Nauka, 1986. – 280s.
3. Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrac Yu. G., Luzina L. G. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. M.: MGU, 1996.
4. Lejchik V.M. Obosnovanie struktury termina kak yazykovogo znaka ponyatiya // Terminovedenie, 1994, № 2, pp. 5–14.
5. Miller Dzh. Obrazy i modeli, upodobleniya i metafory // Teoriya metafory. M., 1990, pp. 236–283.
6. Sun' Huan' i dr. Vvedenie v kitajskuyu terminologiyu. Pekin: Shan-u inshuguan', 2015.
7. Chzhen Shupu. Sovremennoe rossijskoe terminovedenie // Seriya «Stanovlenie kitajskogo terminovedeniya» / ch. ed. Lu Yunsyuan. Pekin: «Shan-u inshuguan', 2005. 288 p. (na kit. yaz.)

DOI: 10.21672/1818-4936-2020-74-2-039-044

**РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ В АМЕРИКАНСКОМ
ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НА ФОНЕ КРИЗИСА
В РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ**

Дубенец Нина Борисовна, аспирант, Астраханский государственный университет, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 20 а; e-mail: dubenetsnb@mail.ru.

Данная статья посвящается стратегии дискредитации, к которой часто прибегают американские дипломаты в связи с военно-политическим противостоянием США и России на фоне кризиса в российско-украинских отношениях. В статье освещаются различные языковые средства реализации таких речевых тактик, как тактики обвинения, осуждения, отрицательной оценки негативных фактов и последствий и др. Материалом исследования послужили скрипты выступлений дипломатического представителя США Курта Волкера, посвящённых обсуждению путей урегулирования кризиса на востоке Украины. Используются методы дескриптивного и интерпретативного анализа. Проанализированные примеры позволили автору статьи сделать вывод о том, что в американском дипломатическом дискурсе стратегия дискредитации направлена, с одной стороны, на создание стереотипного образа России как агрессора и формирование отрицательного отношения к ней в мире, а, с другой стороны, позволяет США усилить своё влияние на мировой политической арене за счёт «устранения» сильного противника в лице России.

Ключевые слова: воздействие, дискредитация, стратегия, тактика, американский дипломатический дискурс

**REALIZATION OF THE DISCREDIT STRATEGY IN AMERICAN DIPLOMATIC
DISCOURSE IN THE SITUATION OF CRISIS IN RUSSIAN-UKRAINIAN
RELATIONSHIPS**

Dubenets Nina B., postgraduate student, Astrakhan State University, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: dubenetsnb@mail.ru.

This article is devoted to the discredit strategy, which is often used by American diplomats in connection with the military and political conflict between the USA and Russia in the situation of crisis in Russian-Ukrainian relationships. The article studies different linguistic ways of expressing such tactics as accusation, condemnation of negative facts and consequences, threat tactics and others. The author

analyzes the scripts of speeches of US diplomatic representative Kurt Volker dealing with ways of reaching an agreement in the situation of crisis in the East of Ukraine. The methods of descriptive and interpretative analysis are used. Having studied the examples the author drew the conclusion that the discredit strategy in the American diplomatic discourse is aimed, on the one hand, at creating a stereotyped image of Russia as an aggressor and forming a negative attitude towards it and, on the other hand, allows the USA to increase its influence on the world political arena by "eliminating" Russia as its powerful opponent.

Keywords: influence, discredit, strategy, tactics, American diplomatic discourse

Внешняя политика – одна из наиболее важных сфер общественной деятельности, основной задачей которой является регулирование отношений государств при помощи власти. Одним из способов осуществления власти является речевое воздействие на сознание человека, основная цель которого – повлиять на посткоммуникативное поведение реципиента в интересах адресанта, прибегая к различным речевым стратегиям и тактикам [5, с. 21].

В рамках дипломатического дискурса в ситуации военно-политического противостояния можно выделить следующие цели: сформировать отрицательный имидж страны-противника, подорвать доверие к политике данного государства, спровоцировать конфликт, удержаться у власти и проч. В зависимости от цели коммуникации её субъект будет использовать различные коммуникативные стратегии и тактики.

В данном исследовании мы остановимся на стратегии дискредитации, которая широко используется в современном внешнеполитическом дискурсе США. Популярность данной стратегии можно объяснить тем, что в политической борьбе (внешняя политика не является в этом отношении исключением) всегда использовался приём создания положительного образа «своих» через очернение «чужих».

Общая направленность рассматриваемого нами речевого поведения американских дипломатов относится к стратегии на понижение [3, с. 45].

Структура данного речевого поведения может быть описана нижеприведённой формулой, связанной с воздействием на адресата в аспекте управления или подчинения.

Условие: слова говорящего обращены непосредственно слушающему, или говорящий считает, что X слышит высказывание:

А. Знаю, что ты сделал X.

Б. Знаю, что X считается негативно ценным.

В. Говорю тебе, что ты сделал X или занимаешься X.

Г. Говорю это тебе для того, чтобы ты знал, что твой статус ниже моего [1, с. 103].

Подобные речевые акты производятся с целью утверждения своего превосходства по отношению к адресату сообщения. В основе этих речевых произведений лежат описательные высказывания.

Например, если X говорит У, что У – вор, и при этом У – вор, то X использует негативную оценку воровства в обществе как инструмент для утверждения своего статуса и понижения статуса собеседника.

Стратегия на понижение направлена на дискредитацию оппонента, которым является политический противник. Данная стратегия подразумевает использование тактик, имплицитно и эксплицитно выражающих отрицательное отношение к предмету коммуникации. В ней заложено стремление ослабить позиции противника или выразить негативное отношение к ситуации [6, с. 145].

Дискредитировать буквально означает «подорвать доверие к кому- или чему-либо, умолить авторитет, значение кого- или чего- либо» [7].

Для реализации стратегии дискредитации используется определённый набор речевых тактик: обвинения, осуждения, отрицательной оценки негативных фактов и последствий, нагнетания отрицательного. Достижению цели дискредитации противника также способствуют тактики угрозы и ультиматумов, которые являются неотъемлемой частью тактики обвинения.

Рассмотрим, как используется тактика обвинения в речи американского дипломата. Будучи выраженным в форме нарратива, обвинение, по мнению Е.Н. Горбачевой, реализуется на когнитивном уровне, актуализируя свои концептуальные признаки, такие, как процесс предъявления обвинения, предмет / субъект / объект обвинения, жертва преступления / правонарушения и др. [2, с. 27]. Одним из концептуальных признаков обвинения, актуализируемых в приведённом примере, является предмет обвинения:

1) *The principle here is the same, that you have Russia **invading and occupying territory**;*

2) *There is **the reputation to Russia of having invaded and taken territory from Ukraine*** [10].

Слово «invader» («захватчик») ассоциируется с насилием и бесчинством, которое совершается с целью завладеть чужой территорией: *an army or country that uses force to enter and take control of another country* [9]. При этом высказывание «the reputation to Russia of having invaded» способствует закреплению за Россией образа государства, отличающегося крайне агрессивной внешней политикой.

*It goes on night and day. There are **ceasefire violations every night, multiple ceasefire violations*** [10].

В данном высказывании содержатся как эксплицитно, так и имплицитно выраженные обвинения в адрес России. Открытое обвинение содержится в высказывании о неоднократных нарушениях договорённости о прекращении огня на линии фронта. При этом Волкер прибегает к приёму лексического повтора «There are ceasefire violations every night, multiple ceasefire violations», что вместе с эпитетом «multiple» только усиливает прагматический эффект высказывания.

Имплицитное обвинение выражается посредством актуализации концептуального признака обвинения: вменяемая России вина в развязывании конфликта на востоке Украины, в результате которого страдают жители Украины, представленные в речи дипломата жертвами.

*It is one where on the eastern side you have 100 percent **Russian command and control** of what's happening there <...> There are obviously people **hired to work in the military operation** <...> But this is **Russian-directed**, and so the relevant **interlocutor** here is Russia. <...> And in those meetings representatives of the so-called **separatists** are present.<...> the **leadership** of this is Russia and the **decision making** is Russia* [10].

Россия репрезентируется как главный инициатор конфликта на востоке Украины, ответственный за все военные преступления и их негативные последствия: «100 percent Russian command and control», «Russian-directed», «leadership», «decision-making» («стопроцентный контроль со стороны России», «под командованием России», «предводительство», «ответственный за принятие решения»).

Основу данного речевого поведения составляют высказывания, в которые входят номинации, содержащие описание негативно оцениваемой деятельности, способные оказать сильное эмоциональное воздействие на реципиента: «invaders», «hired to work in the military operation» «interlocutor», «separatists», «leadership» («захватчики», «люди, нанятые для проведения военных операций», «посредник», «сепаратисты», «предводитель»).

Даже нейтральные слова «hired», «interlocutor», «separatists», «leadership» приобретают ярко выраженную негативную коннотацию в данном

контексте и способствуют закреплению за Россией стереотипного образа безжалостного государства-агрессора, которое вторгается на чужую территорию, с помощью наёмников-убийц расправляется с мирным населением, выступая в роли зачинщика и одновременно посредника военных преступлений.

Во внешнеполитическом дискурсе последние десятилетия постоянно находит отражение напряжённая борьба на мировой политической арене. В этой борьбе есть чёткое деление на «своих» и «чужих», при этом часто субъекты коммуникации акцентируют не только негативные последствия деятельности «чужих», но на фоне оппонентов, представленных в «негативном свете», часто позиционируют себя как главных «спасателей, миротворцев» способных защитить мир от нападков, различных бесчинств, а также угроз, исходящих от «чужих». Такая тактика самопрезентации за счёт тактик понижения статуса своего оппонента помогает достичь желаемого результата – устранить противника и занять лидирующие позиции.

Согласно Отчёту Госдепартамента США от 2014 года, «основная цель департамента США заключается в формировании и сохранении мирного, процветающего, справедливого и демократического мира, а также обеспечение условий для устойчивого развития во благо американского народа и людей во всём мире» [8]. Зачастую за высокопарными словами и обещаниями мира и безопасности стоят практические цели: *<...> the U.S. objectives are the restoration of Ukrainian sovereignty and territorial integrity, and the safety and security of all Ukrainian citizens* [10].

США выступают в ситуации конфликта на востоке Украины в роли гаранта безопасности, главной задачей которого является продвижение ценностей свободы и демократии: «цель США – сохранение суверенитета и территориальной целостности», «безопасность всех жителей Украины».

Репрезентируя себя главным миротворцем на фоне военных преступлений, совершаемых российской стороной, США преследуют цель занять лидирующую позицию на международной арене, что позволяет им контролировать политические процессы, происходящие в мире, и влиять на исход значимых международных событий с точки зрения своей выгоды.

В рамках стратегии дискредитации широко применяется тактика отрицательной оценки, которая выражается в предъявлении вины через демонстрацию деликта [4, с. 150]: *Ten thousand plus people have been killed; over 2 million displaced persons. It goes on night and day <...> there are obvious concerns that people have on the humanitarian front, <...> they need to survive well through the winter. <.....> Russian soldiers being killed. It's terrible. <.....> And that's the tragedy of this...* [10].

В данном отрывке дипломат выступает с жёсткой критикой действий российской стороны, которые, по его мнению, привели украинский народ к плачевному состоянию в результате военных действий на востоке страны. Речевыми маркерами тактики нагнетания фактов становятся лексемы, репрезентирующие концепты войны и её необратимые отрицательные последствия для населения: «ten thousand plus people have been killed», «over 2 million displaced persons», «humanitarian front», «survive through the winter», «goes on night and day», «Russian soldiers being killed» («свыше десяти тысяч людей были убиты», «более 2 миллионов беженцев», «гуманитарный фронт», «пережить зиму», «продолжается днём и ночью», «русских солдат убивают»).

Американский дипломат в вышеприведённых высказываниях использует также лексемы с ярко выраженной негативной оценкой происходящих событий: *That's the tragedy of this, It's terrible* («Это ужасно, это трагедия»). Данные лексемы делают речь дипломата эмоционально-окрашенной, что не характерно для этикетного и формального дипломатического дискурса. Эмоциональность дипломатического дискурса (это делает его схожим с политическим дискурсом) способствует формированию благоприятной почвы для

манипулирования, поскольку такие сильные негативные эмоции, как страх, негодование, обида, обычно лишают реципиента способности объективно воспринимать и анализировать информацию.

Наряду с текстами фасцинирующего характера, взывающими к эмоциональной сфере реципиента, в американском дипломатическом дискурсе широко применяется также стратегия дискредитации когнитивного плана, главная цель которой – воздействовать на сознание аудитории путём активизации информации, которая уже известна адресату, но подвергается некой специфической обработке. Цель когнитивной стратегии заключается в том, чтобы помочь адресату в самой процедуре интерпретации информации (принять, соотнести с уже известным и осознать как личное знание), а затем перейти к заданным выводам и обобщениям [3, с. 45]: 1). *Would it like to create another frozen conflict, occupied territory, like Abkhazia or South Ossetia or Transnistria. <...> They could very well decide just to try to dig in, as they've done with Abkhazia or South Ossetia or Transnistria* [10].

Проводя аналогию с конфликтом в Абхазии и Южной Осетии посредством аллюзии, американский дипломат, видимо, пытается напомнить всему мировому сообществу, что Россия уже имеет репутацию захватчика чужих территорий, что ещё больше способствует закреплению за Россией образа государства, отличающегося захватнической политикой.

And just imagine a Ukrainian soldier on average dies every three days, and in their own country, fighting to defend their own country. So imagine if that were in any other country – your home, and your soldiers are fighting on your own territory to protect the country [10].

В данном отрывке дипломат использует стратегию когнитивного дискредитирования своего оппонента в лице России, апеллируя к сознанию адресата, т.е. мирового сообщества, и предлагает представить, что бы они (члены мирового сообщества) испытали, если бы на их страну напали. Данный риторический приём основан на том, что у каждого человека подсознательно концепт войны вызывает сильные негативные эмоции: страха, ненависти, ярости, что создаёт соответствующий прагматический эффект.

На языковом уровне этот приём находит выражение в использовании придаточного нереального условия (если бы это произошло в любой другой стране), при этом вторая часть с глаголом *would* опущена, но легко восстанавливается в сознании слушателя. На лексическом уровне стратегия дискредитирования манифестируется с помощью лексем, позволяющих имплицировать обвинение в адрес России о захвате чужой территории: “Ukrainian soldiers dies”, “defend their own country”, “own territory”, “your home” («украинские солдаты умирают», «защитить свою собственную страну», «на собственной территории», «твоя родина»), а повтор слова *own* усиливает эмоциональное воздействие на адресата.

Проанализировав данные фрагменты выступлений, мы пришли к выводу, что наиболее часто представители американской стороны прибегают к стратегии дискредитации, для которой характерно противопоставление «свои – чужие». Выступая на брифинге, американские дипломаты под «своими» негласно подразумевают США (так как они являются официальным представителем этого государства), под «жертвами» конфликта – мирное население Украины, а также международное сообщество. В роли «чужих» выступают Российская Федерация как «государство-агрессор», а также украинские сепаратисты.

Для реализации стратегии дискредитации американские дипломаты прибегают к коммуникативной тактике обвинения, осуждения, отрицательной оценки негативных фактов и последствий, нагнетания отрицательного, а также угрозам и ультиматумам. Спектр реализации стратегии дискредитации на языковом уровне включает негативно-оценочную лексику, милитарную лексику, повторы, параллельные конструкции, риторические вопросы. Данные средства в речи американских дипломатов дискурсивно конструируют картину

военного конфликта на востоке Украины. Все тактики, применяемые в американском дипломатическом дискурсе, так или иначе направлены на представление России как основного инициатора и виновника событий, происходящих на востоке Украины, а также способствуют продвижению политических и экономических интересов США на мировой арене за счёт подрыва доверия к России со стороны мирового сообщества.

Список литературы

1. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза / К. И. Бринев. – Барнаул : АлтГПА, 2009. – 252 с.
2. Горбачева Е. Н. Обвинение как коммуникативный поступок в современной информационной войне (на материале англоязычного медийно-политического антироссийского дискурса) / Е. Н. Горбачева // Политическая лингвистика. – 2017. – № 2 (62). – С. 27–33.
3. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарных исследований. – Москва : Изд-во МГУ, 2003. – С. 116–152.
4. Дубровская Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах / Т. В. Дубровская. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – 272 с.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Москва : УРСС, 2002. – 284 с.
6. Михалева О. А. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О. А. Михалева. – Москва : Либроком, 2009. – 256 с.
7. Словарь иностранных слов. <http://allrussian/dictionaries-foreign/ru>, свободный. – Заглавие с экрана (дата обращения: 02.08.2019).
8. Department of State FY 2014 Agency Financial Report. – Режим доступа: <http://www.state.gov.com>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (дата обращения: 16.09.2019).
9. Oxford Dictionary of English (для ABBYY Lingvo). – Oxford University Press, 2005.
10. U.S. Department of State. – Режим доступа: <https://www.state.gov.com>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (дата обращения: 10.11.2019).

References

1. Brinev K. I. (2009). Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza. – Barnaul: AltGPA. 252 p.
2. Gorbacheva E. N. (2017). Obvineniye kak kommunikativnyy postupok v sovremennoy informatsionnoy voyne (na materiale angloyazychnogo mediynopoliticheskogo antirossiyskogo diskursa) // Politicheskaya lingvistika, № 2 (62), pp. 27–33.
3. Dem'yankov V. Z. (2003). Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI // Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdistiplinarnykh issledovaniy. Moscow: MSU Publ., 2003, pp. 116–152.
4. Dubrovskaya, T.V. (2014). Rechevye zhanry "osuzhdeniye" i "obvineniye" v russkom i angliyskom rechevom obshchenii. Saratov. 272 p.
5. Issers O. S. (2002). Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. Moscow: URSS Publ., 2002. 284 p.
6. Mikhaleva O. A. (2009). Politicheskiy diskurs: spetsifika manipulyativnogo vozdeistviya. Moscow: Librokom Publ., 2009. 256 p.
7. Dictionary of foreign words. Available at: <http://allrussian/dictionaries-foreign/ru> (data obrashcheniya: 02.08.2019).
8. Department of State FY 2014 Agency Financial Report. Available at: <http://www.state.gov.com> (data obrashcheniya: 16.09.2019).
9. Oxford Dictionary of English. Oxford University Press, 2005.
10. U.S. Department of State. Available at: <https://www.state.gov.com> (data obrashcheniya: 10.11.2019).